

Кулькатов Ж.Б.

УДК 39(=512,123).(477.75+470.4)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНОКУЛЬТУРЫ АСТРАХАНСКИХ ТАТАР – "НОГАЕВ"

Аннотация. В статье дается характеристика субэтнических групп коренного населения Нижнего Поволжья - астраханских татар – "ногаев", этногенез которых связан с населением Золотой Орды и государств – ее приемников, с крымскими татарами и соседними народами. На примере топонимики, родо-племенного состава и особенностей религиозного культа предков исследуется вопрос этнической самобытности и идентичности коренного населения Астраханского края.

Ключевые слова: Туран, татары, этнос, этноним, этносоциум, Золотая Орда, Астраханское ханство, Ногайская Орда, номад, сандантаризация, топонимика, родо-племенное устройство, мусульманство, культ предков, мазар.

Анотація. У статті дається характеристика субетнічних груп корінного населення Нижнього Поволжжя - астраханських татар - "ногаїв", етногенез яких пов'язаний з населенням Золотої Орди та держав - її наступників, з кримськими татарами і сусідніми народами. На прикладі топоніміки, родо-племінного складу та особливостей релігійного культу предків досліджується питання етнічної самобутності та ідентичності корінного населення Астраханського краю.

Ключові слова: туран, татари, етнос, етнонім, етносоціум, золота орда, астраханське ханство, ногайська орда, номад, сандантарізація, топоніміка, родоплемінне пристрій, мусульманство, культ предків, мазар

Summary. The article gives the subethnic groups characteristics of indigenous people from Lower Volga area - Astrakhan Tatars-Nogays. Their ethnogenesis is tied together with the population of Golden Horde and the states - its successors with the Crimean Tatars and the next people. The question of ethnic originality and the identity of indigenous people of Astrakhan Edge is investigated on the example of toponymics

Key words: Turan, Tatars, ethnos, the ethnonym, ethnic society, Golden horde, Astrakhan khanate, Nogay horde, nomad, the settling of the nomadic, toponymy, keen and tribal device, islam, cult of ancestors, Mazar.

На евразийском континенте тюркоязычные народы занимают значительное географическое, этнокультурное и политическое пространство. В первую очередь, это этносы, которые в начале XXI в. развиваются в границах своих этнополитических государственных образований, т.е. в Турции, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и других странах Средней Азии. Само историческое и культурно-географическое понятие "Туран" охватывает территории современной Малой Азии, Добруджи (части территории Болгарии и Румынии), южной Молдавии (Гагаузия), Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Поволжье, южный Урал, Казахстан и Средняя Азия, Сибирь и западный Китай (Синьцзян). К середине 1990-х гг., по мнению отдельных ученых, численность тюркоязычного населения только России составляла ориентировочно около 14 млн. человек, а тюркское население Азербайджана и республик Центральной Азии превышало 40 млн. человек, причём эти народы и регионы относятся к этносам и районам с устойчивым демографическим ростом [11, с. 4-11]. В этногенезе различных народов Туранского мира на протяжении последних 2-х тысячелетий ведущую роль играли номады - кочевые племена тюркского происхождения, выступавшие в различные исторические периоды под разными именами: тюркуты, тюрки, уйгуры, кыргызы, хазары, булгары, торки, печенеги, кыпчаки, огузы и другие [11, с. 85-241; 4, с. 4-6, 24 – 25]. Два последних наименования к настоящему моменту отражают деление народов тюркской группы алтайской языковой семьи на две основные крупные подгруппы.

Помимо крупных государствообразующих этносов есть и малочисленные тюркоязычные народы с богатой историей и самобытной культурой, интересные своим происхождением и современным состоянием в поликультурном и полиэтничном пространстве России. К числу таких народов относится автохтонное или аборигенное население Нижнего Поволжья – астраханские татары. Примечательно, что по отношению к насельникам края и в период их вхождения в состав Российского государства, и сегодня со стороны их соседей (казахов, калмыков и русских) применимы разные этнонимы: "татар", "нугай-татар", "нугай" или "ногай" и даже "ногай – казак" [2, с. 52 – 59]. Тому имеется несколько причин. В русской дореволюционной научной литературе и официальных документах, в отечественной этнографической науке длительное время "татарами" называли все тюркские народы, входившие в состав Золотой Орды и позже присоединенные к России. Несомненно, что в разные периоды исторического развития – и во время существования централизованного государства, и при феодальной раздробленности, и по мере вхождения и развития в составе Российского государства формирование населения бывших постзолотоордынских государств, особенно Среднего и Нижнего Поволжья, проходило в бурных этноисторических и культурных контактах и взаимовлияниях [9, с. 91 – 99, 135 – 140]. На тюркское автохтонное население Нижнего Поволжья особенно сильное влияние оказали такие контакты с казанскими татарами, казахами и калмыками. Племена Ногайской Орды после ее распада участвовали в формировании многих тюркских народов степного и горного происхождения. Этноним "ногай" есть у крымских татар, "ногаями" калмыки называли башкир, карачаевцев и балкарцев (!?), казахи и сейчас называют "ногаями" поволжских татар и башкир. Ногайский этнический компонент сыграл важную роль и в этногенезе казахов, особенно Младшего жуза, который занял территорию Ногайской Орды, ушедшей к началу XVIII в. на запад от Волги в результате нашествия ойратов (джунгаров или калмыков, или западных монголов). А. Ш. Кадырбаев утверждает о включении в состав казахов Западного Казахстана и волжских ногаев, бежавших от русских войск на восток после завоевания Астраханского ханства [10].

Астраханские татары делятся на 4 субэтнические группы [3, с. 308 – 312; 8, с. 38], которые характеризуются по численности, по местам традиционного компактного проживания, по степени сохранности в национальном самосознании ногайского этнического компонента или степени включенности в так называемый общетатарский этносоциум. Первая группа получила название "**юртовские татары**". Она представлена населением как г. Астрахань, так и пригородных сел и поселков, предки которого в течение XVIII в. – начала XX в. постепенно в процессе добровольной или вынужденной сендантаризации переходили от номадизма к оседлому образу жизни, от кочевого скотоводства к земледелию, садоводству и овощеводству, торговле и рыболовству. Юртовские татары – наиболее урбанизированная группа местного населения, в их среде ярко выражена культурная и языковая ориентация на казанских татар, распространены межэтнические браки с переселенцами из Среднего Поволжья. Инновации в российской национальной политике в конце 1980-х и в 1990-х гг. привели к восстановлению преподавания татарского (казанских татар) языка в некоторых школах г. Астрахани и пригородных сел. В возникшем в эти годы местном татарском национальном движении (культурно-национальной автономии) активное участие принимает часть "юртовцев". Но осознание своего отличия от остальных татар фиксируется у них сохраняющимся самоназванием "ногай" ("нугай") или "ногай – татар".

Вторая группа астраханских татар – "**карагаши**". Их предки были выходцами из Казиева улуса (Кубанской орды), находившегося в XVII – XVIII вв. в вассальной зависимости от Крымского ханства. Часть населения Казиева улуса в этот период была пленена калмыками (джунгарами или ойратами), возвращена в Нижнее Поволжье, входила в состав калмыцких улусов [1, л. 2, 8]. Для карагашей была характерна длительная приверженность традиционному образу жизни, связанному с номадизмом и животноводством. Длительное господство на большей части региона скотоводческого хозяйственно-культурного типа продиктовано было природно – географическими условиями астраханской полупустыни и степей, резко – континентальным засушливым климатом. И не случайно к оседлому образу жизни карагаши окончательно перешли только во время насильственной коллективизации 1930-х гг. Они проживают сейчас в основном в селах Харабалинского и Красноярского районов Астраханской области.

Третья субэтническая группа астраханских татар получила название "**утары**" или "**алабугатские татары**". Она возникла в конце XVIII в. в результате административного объединения части юртовских татар, части мигрировавших с территории Мангышлака туркмен, части ассимилированных калмыками казахов – томутов, нескольких семей прибывших из Средней Азии узбеков – сартов, а также смешанного населения из юртовских татар и казанских татар-мишарей. К настоящему моменту утары проживают в Каспийском районе Калмыкии, Лиманском и Наримановском районах Астраханской области (на юго – западе региона). Они характеризуются дисперсным расселением и культурно-языковой близостью к культуре казанских татар, что сближает их с юртовцами.

Последняя группа астраханских татар – "**кундровские татары**" или "**кундрау ногайлар**". Представители этой субэтнической группы ныне проживают в основном в с.Тулугановка Володарского района. Они представляют собой переходную форму субэтнуса между юртовскими татарами и карагашами как по языку, так и по длительности отхода от кочевого скотоводства. В языке и традициях карагашей и кундровских татар отмечается большое влияние и сходство с языком и культурой окружающего казахского этносоциума, предки которого переселились в Нижне-Волжский регион в начале XIX в. из Волго-Уральского междуречья с территории Букеевской – административного образования на востоке тогдашней Астраханской губернии. Не подвергается сомнению тот факт, что этноисторические, культурные и языковые корни астраханских татар и казахов связаны с историей Золотой Орды, а после ее распада – с историей Ногайской Орды и Астраханского ханства. В пользу этноисторического и этнокультурного родства двух этносов и их связи с перечисленными государственными образованиями средневековья говорит сохраняющаяся топонимика региона общетюркского происхождения, общее родоплеменное устройство, продолжающееся сохраняться как рудимент трайбализма в обыденном сознании людей и как обязательный элемент национального самосознания, а также общие традиции и обычаи в повседневной жизни и отправлении религиозных культов.

В Нижнем Поволжье многие населенные пункты и географические объекты сохранили свои общетюркские (татарские, ногайские, казахские) названия: села Кирикили, Карагали, Яксатовка, Татар-Башмаковка, Килинчи в пригороде г.Астрахань, города Ахтубинск, Камызяк и Нариманово в области, поселки Кучергановка, Янго-Аул, Мошаик, Сабан-Сияр в городской черте, села Лапас, Ясын-Сокан, Айсапай, Ясын-Соккан, Джанай, Малый Арал, Байбек, Аксарайская, Сеитовка, Хожетаевка, Тулугановка, Янго-Аскер, Зензели, Тумак и другие в Астраханской области, реки Ахтуба, Кизань, Бузан, Бушма. Топонимика региона отражает как процесс этногенеза местного населения, так и отношение государства к языку и культуре аборигенов. Нижне – Волжскому региону повезло в этом смысле больше по сравнению с Крымом, который тоже является местом, где в течении длительного времени формировалась история и культура тюркского мира. В степном Крыму исторические названия населенных пунктов (села Аргын, Кипчак, Конрат, Найман и другие до 1944 г.) отражали прежнее родоплеменное устройство номадного социума и процесс сендантаризации кочевников – ногаев, которые вошли в состав крымскотатарского народа. Аналогичное значение для историков-этнологов и лингвистов имеют особые знаки на могильных памятниках и одновременно печати для клеймения скота, называвшиеся "тамга" [12, с. 452, 453, 546]. В послевоенный период историческая топонимика Крыма, в отличие от Нижнего Поволжья, коренным образом изменилась, в чем выразилось стремление местных властей и государства истребить память о крымских татарах – аборигенах края после депортации 18 мая 1944 г. В Нижнем Поволжье этноисторическая топонимика, сохраняющаяся устная память о "тамгах" и "табынах" как признаках родовой принадлежности или самоидентификации продолжают играть важную роль в сохранении

этнического самосознания. Для астраханских татар ("нугай – татар") и казахов характерны такие родоплеменные подразделения как кыпчак, мангыт, киреит, найман, ас, кыргыз, кытай, кият, адай, дулат, уйсун и другие, что говорит в пользу общего этнического происхождения с другими тюркскими народами, особенно ногайско-кыпчакской (ногайско – половецкой) группы. Память о родоплеменном устройстве общества как специфичная черта этнической идентификации и самосознания берет свое начало в средневековье. Исследователи насчитывают несколько десятков названий родов и племен тюркского и монгольского происхождения в составе Золотой Орды [11, с.223; 14, с. 499 – 504].

В золотоордынский период началась и история ислама в регионе. Принятие этой религии связывается с именами ханов Берке и, особенно, Узбека и Джани-хан (т. е. его сын Джанибек) приняли ислам "в пределах Сарая, Крыма и Дешт-и-Кыпчака" [5, с.183]. Учение суфизма сыграло важную роль в институционализации ислама, в утверждении суннитской ортодоксии. Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVIIв., писал о том, что жителей Хаджи-Тархана приобщил к исламу некий Сары Салтук – суфийский шейх XIIIв., один из дервишей Ахмеда Ясави, известного мусульманского миссионера и святого [15, с. 133]. С этого времени и по сей день особую сакральную функцию в духовном самосознании народа продолжают играть религиозные традиции, в частности, почитание культа предков [5, с. 189-195; 7, с.44 – 46; 13, с. 127 – 143]. Мусульманские кладбища ("мазары"), в отличие от Крыма, не являлись в Нижнем Поволжье объектами глумления или осквернения со стороны государства или других этносов, по крайней мере, в последние 100 лет, в отличие от начальных этапов присоединения Астраханского края к Российскому государству [5, с. 195]. Мазары ("мола" или "маит"), как правило, находятся на возвышенностях (буграх) за пределами населенных пунктов и являются родовыми усыпальницами на протяжении нескольких поколений и десятилетий. Ритуальная традиция упокоения умерших на высоком месте и на достаточно далеком расстоянии от мест постоянного проживания людей известна давно и объяснима как природно – климатическими особенностями региона, где случается обильное весеннее половодье, так и традициями мусульманской религии, которые не требуют частого посещения кладбища и могил умерших, в отличие от христианства. Каменную или кирпичную, реже – металлическую ограду вокруг могилы обрамляет мраморная или гранитная плита с полукруглым верхом, где надпись обязательно начинается с отрывка (суры) из Корана арабской вязью и изображения полумесяца. Фамилия и имя усопшего могут дублироваться на национальном и русском языках. При описании подобных погребальных сооружений местного тюркоязычного населения напрашиваются аналогия и сравнение с погребальными памятниками древнетюркской эпохи, сооруженными в честь древних каганов и обнаруженными на территории современной Монголии. Традиция сооружения погребальных памятников и стелл, а также культ предков берут свое начало в домусульманской эпохе Тюркского каганата [11, с. 120-123, 140 – 145, 168 – 182]. Особым почитанием у астраханских татар и казахов пользуются места захоронения святых и знаменитых в прошлом людей – культ "аулие", который не вписывается в традиционные мусульманские установки, унаследованный, видимо, с языческих времен. О поклонении в Астрахани и ее окрестностях большому количеству почитаемых святых, легендарных личностей писал Эвлия Челеби: "...здесь погребено несколько сот тысяч великих потомков пророка и мужей щедрых. Вот имена великих мужей, могилы коих мы посетили. Мы посетили Бури-бая, Таймаз – хана..." [15, с. 134]. И сегодня к таким местам принято ходить с надеждами на исцеление от болезней, принято оставлять дары в виде завязанной на ветке дерева цветной ленты, написанной на бумаге молитвы, монет, остатков ритуальной пищи и другое. Паломничество в святое место сопровождается чтением молитвы, подаянием и даже жертвоприношением (закланием домашнего животного вблизи мавзолея святого). Примером подобного культа может служить поклонение мазарам казахского султана Букея Нуралиева и ногайского мусульманского проповедника Сеит – Баба у села Малый Арал Красноярского района, святым старцам Баба – Тукли – Шашлы-адже у пос. Мошаик и Хызыр-ата у с. Яксатово близ Астрахани.

В 20 – 30-е гг. XXв., когда в стране шло национально-государственное строительство, согласно провозглашенной Советской властью доктрине национальной политики малые этнические группы искусственно включались в состав более крупных этнических образований [6, с. 3-4; 8, с. 70-75]. При этом их самоназвания или предыдущие этнонимы могли изменяться в пользу более многочисленного народа, что и произошло с астраханскими татарами, которых часто идентифицируют с казанскими татарами, или оба эти этнические образования объединяют в так называемых "поволжских татар". Ряд исследователей указывают на сложный этнический состав населения г. Астрахани и края еще в период средневековья и большое влияние на его формирование номадов Ногайской Орды [5, с. 16; 9, с. 45-46]. В последнее время на фоне возникновения местного национального движения и вспышки этнической активности некоторые исследователи считают, что казанские и астраханские татары – это два разных народа, этногенез которых происходил не только в разных географических регионах и природно-климатических условиях, но и которые различаются до сих пор между собой этнокультурной и лингвистической самобытностью и неоднородностью. Правильнее было бы считать астраханских татар ногайцами, ассимилированными татарами в культурном и языковом отношении. "...Особую роль для них сыграли средневожские татары, чье влияние происходило в результате совместного проживания и через систему духовно – светского образования, которая была на татарском языке. В советский период, между 1926 и 1939 годами, все группы астраханских ногайцев в связи со сталинской политикой интеграции малых народов в более крупные общности были причислены к татарам. Через систему образования и отдельные мероприятия вплоть до 60-х годов проводилась их татаризация в культуре и языке. Позже появилось терминологическое определение

"астраханские татары", которое распространялось на всех астраханских ногайцев вместе с группами татар – переселенцев из Средней Волги. Принятие этнонима "татары" для астраханских ногайцев имело внешнее значение (напомним, что это было и в дореволюционных переписях), на бытовом уровне в той или иной форме сохранялось ногайское этническое самосознание ("нугай", "нугай-татар" в юртовской среде, "ногайлар" у карагашей)" [6, с. 2 – 4]. Д. М. Исхаков считает, что современный ногайский этнос потерял "татарскую компоненту своего этнического самосознания", а астраханские татары не консолидировались в отдельную этническую общность в XV – XVII вв. из-за постоянного притока населения из Ногайской Орды. [9, с. 46, 51].

Проблема этнической идентичности самым неожиданным образом обострилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. одновременно с всплеском этнической активности и возникновением культурно-национальных автономий. Интересно, что несмотря на практиковавшуюся советской властью в XX в. политику "татаризации" в области культуры и языка среди всех этнолокальных или субэтнических групп астраханских татар – "ногаев", а также их искусственное включение в состав общего татарского этносоциума, у некоторой их части, в особенности у карагашей, сохранились элементы ногайского этнического самосознания. По переписи 1989 г. из примерно 30 тыс. астраханских татар более 4 тыс. человек записалось как ногайцы (!). Именно эта часть населения, а также ногайские переселенцы с Северного Кавказа выступили инициаторами создания национально-культурной автономии и возрождения языка и национальных традиций [6, с. 5]. Смешение в регионе этнонимов "татар" и "ногай" при наименовании или самоназвании части тюркоязычного местного населения объясняется историческим прошлым народов Нижнего Поволжья или Северного Прикаспия. На наш взгляд, последнее понятие или термин позволяет охватить более широкий историко-географический ареал. Этноисторические и культурные корни аборигенного тюркоязычного населения следует искать в прошлом – в истории Золотой Орды, Астраханского ханства и Ногайской Орды.

Источники и литература:

1. Архив внешней политики России МИД РФ. Ф. "Ногайские дела". Оп. 127/1. Д. 1.
2. Викторин В. М. Субэтносоциум "нугай – казак" на границе Западного Казахстана и Нижнего Поволжья : парадоксы взаимодействия тюркских этносов. // В. М. Викторин // Сарепта: Историко – этнографический вестник. – Волгоград, 2006. – Вып. 2. – С. 52–59.
3. Викторин В. М., Идрисов Э. Ш. Этническая история и традиционно – бытовая характеристика астраханских ногайцев // В. М. Викторин, Э. Ш. Идрисов // Краеведческие чтения. – Астрахань, 2001. – Вып. 3.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки // Л. Н. Гумилев – М. : Товарищество "Клышников – Комаров и К⁰", 1993.
5. Зайцев И. В. Астраханское ханство // И. В. Зайцев – М. : Вост. лит., 2006.
6. Идрисов Э. Ш. Национально – культурное движение астраханских ногайцев в конце XX – начале XXI вв. и связи астраханских ногайцев с ногайцами Северного Кавказа // Э. Ш. Идрисов (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://www.interethnic.org/News/260604_2html.
7. Измайлов И., Хамидуллин Б. Ислам в Золотой Орде // И. Измайлов, Б. Хамидуллин – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008.
8. Изучение истории и традиций народов России в школе : Методическое пособие / Под ред. О. Е. Лебедева. – СПб. : филиал изд-ва "Просвещение", 2006.
9. Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. // Д. М. Исхаков – Казань : Татар. кн. изд-во, 2009.
10. Кадырбаев А. Ш. Калмыки в контексте их взаимоотношений с Россией и Китаем эпохи Цин. // А. Ш. Кадырбаев // Народы Центральной Азии. – Часть 2 Курс лекций. (Электронный ресурс). – Режим доступа : <http://www.central-eurasia.com/top/medieval-history/?uid=1126>.
11. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье // С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004.
12. Крымскотатарская энциклопедия. Составители Р. Музафаров, А. Короткая. – Симферополь : Ветан, 1995. – Т. II.
13. Сызранов А. В. Культ мусульманских святых в Астраханском крае // А. В. Сызранов // Этнографическое обозрение, 2006. – №2. – С.127 – 143
14. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды // В. В. Трепавлов – М., Вост. лит., 2002.
15. Эвлия Челеби. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). // Челеби Эвлия.– М., 1979. – Вып. 3 : Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.